

- 7 Castillo M. *Kosmopolitizm Kanta segodnya* [Kant's cosmopolitanism today] // *Immanuel Kant: nasledie i projekt* - Immanuel Kant: the heritage and project / ed. V.S. Stepin, N.V. Motroshilova. Moscow. 2007. P. 400. 8 Ibid.
9. Sartori G. Pluralismus, multikulturalismus a přistěhovalci: esej o multietnické společnosti. Dokořán. Praha, 2005. P. 10–12.
10. Ibid. P. 71.
11. Jarmara T. Multikulturalismus: ideologie polarizace // *ČLOVĚK – DĚJINY – HODNOTY III* (Eds. J. Petrucijová a J. Feber). Ostrava, 2007 P. 186.
12. Hvizdala K. O globálním šachu // *Salón Kumštu*. Pravda. Sobota 15. Marca 2008. P. 6.
13. Hvizdala K. V globální vesnici jako na pustém ostrově // Hvizdala K. *Restaurování slov* (eseje). Portál. Praha, 2008. P. 79.
14. Belohradsky V. Společnost nevolnosti. Eseje z pozdější doby. Knižnice Sociologické aktuality. Praha, 2007. P. 12.

УДК 821.161.1-3

Л. Е. Моторина

Проблема Родины в жизни и творчестве русской эмиграции*

В статье рассматривается тема Родины в творчестве русской эмиграции; раскрывается ее основное противоречие, с одной стороны, происходит разрыв связей с родной стихией, с другой – укоренение в чужой культуре; приводятся оценки зарубежных исследователей творчества русских эмигрантов и их влияния на интеллектуальную среду Запада; акцентируются особенности отношения русского человека к данной проблеме.

Показывается, что вклад мыслителей русского зарубежья в общеевропейский философский процесс, переводы их трудов на основные европейские языки способствовали тому, что русская философия, ее национально-своеобразные ценности и идеи заняли определенное место в качестве полноправного компонента современного западного сознания.

Задача эмиграции заключается в том, чтобы не замыкаться в себе, а продолжать жить вместе с родиной и войти вместе с ней в ее будущее.

The article deals with the theme of Motherland in the works of Russian emigration; disclosed its basic contradiction, on the one hand, there is a rupture of relations with native element, on the other hand the establishment of a foreign culture; estimations of foreign researchers of works of Russian immigrants and their impact on the intellectual environment of the West; focus features relations of Russian people to the problem.

It is shown that the contribution of the thinkers of the Russian Diaspora in the European philosophical process, translations of their works on the main European languages contributed to the fact that Russian philosophy, its national trade-a kind of values and ideas took some place as a full component of the modern Western mind. The task of emigration is to not be alone, but about-to continue to live together with the Motherland and to enter with it in the future.

Ключевые слова: эмиграция, родина, расширенная родина, интеграция в чужую культуру, русская эмиграция, зарубежные историки русской философии.

Keywords: immigration, Motherland, extended Motherland, integration into foreign culture, the Russian emigration, foreign historians of Russian philosophy.

Многие выдающиеся мыслители – представители «серебряного века» русской культуры – не по своей воле оказались за рубежом. В 1922 г. советские власти выслали из страны по обвинению в «пособничестве контрреволюции» *Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, И. И. Лапшина, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Ф. А. Степуна*. Из попавших в Германию философов там остались только *И. А. Ильин, Ф. А. Степун и С. Л. Франк*.

© Моторина Л. Е., 2014

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029 «Философское осмысление за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: школы, направления, центры».

Возникло несколько центров русского философского Зарубежья: кроме Берлина, это Париж и Прага. Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков обосновались в Париже, где поселился эмигрировавший из Советской России еще в 1920 г. Л. И. Шестов. В Праге при Карловом университете был создан Русский юридический факультет, в числе преподавателей которого были В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве. Основатель факультета – видный философ, социолог и правовед *Павел Иванович Новгородцев* (1866–1924), создавший и возглавивший в Праге Религиозно-философское общество им. В. Соловьева, автор фундаментального труда «Введение в философию права».

Вклад мыслителей русского зарубежья в общеевропейский философский процесс, издания и переводы их трудов на основные европейские языки в немалой степени способствовали тому, что русская философия, ее национально-своеобразные ценности и идеи заняли определенное место в качестве полноправного компонента современного западного сознания.

Представителей русской эмиграции в различные исторические периоды объединяет одно обстоятельство – «изгнание из страны родной» (М. Ю. Лермонтов) и необходимость жить в другой культуре на чужой земле. Вся трагедия эмиграции точно передана словами Ахматовой: «И изгнания воздух горький, как отравленное вино». Интеллектуальные, художественные, психологические, исторические и другие аспекты перемешаны в сложном мироощущении людей, вынужденных по разным причинам покинуть Родину. В статье я ограничусь лишь рассмотрением историко-философского аспекта проблемы.

Противоречивость такого явления как *вынужденная эмиграция* заключена в том, что, с одной стороны, изгнание – это результат стояния за свободу, т. е. своеобразного служения Отчизне, с другой – это горький, трудный путь, поскольку *разрывается естественная, необходимая связь с родной стихией*. Таким образом, перед каждым эмигрантом неизбежно встают проблемы *связи с родиной* и укоренения себя в чужой культуре. При этом, трансформировавшись в другие проблемы, они продолжают стоять и перед потомками в нескольких поколениях.

Если в пределах первого поколения проблемы эмиграции, хотя и с трудом, преодолены, то с особым трагизмом они встают перед детьми изгнанников.

«Эмиграция, чей смысл в верности высшим ценностям, затоптанном на родине, – пишет Н. А. Струве, – не может позволить своим детям пойти по пути непосредственной ассимиляции, утери языка и связи с отчизной. Но волей-неволей или новая среда (школа, профессия, семья) берет свое, или верность уже только умопостигаемой, но не осязаемой отчизне сохраняется ценой ущербного сознания, оскудения жизненных сил, ценой «полуобморочного» бытия» [1].

Далее, Н. Струве подчеркивает, что, с одной стороны, эмигрант остается верен своим прежним с годами затвердевшим представлениям о родине. Хотя, по его мнению, задача эмиграции заключается в том, чтобы не замыкаться в себе, а жить вместе с процессами, происходящими вдали, «чтобы продолжать жить вместе с родиной, чтобы мочь войти вместе с ней в ее будущее» [2]. С другой стороны, встает проблема отношения к новой среде.

Эта проблема достаточно широко обсуждалась и продолжает обсуждаться как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Приведем здесь точку зрения известного американского исследователя русской культуры Дж. Клайна. В одном из интервью, опубликованном в 1993 г. в журнале «Начала», он поделился своими наблюдениями и выводами о том, что существует, с его точки зрения, два варианта жизни в изгнании. «Один – это вариант Солженицына и Синявского: хотя они между собой и спорят, все-таки они принадлежат к одному типу эмигрантов. Они живут как бы в оболочке, не изучая языка страны, в которой находятся. Например, А. Солженицын не говорит по-английски, хотя живет у нас уже 15 лет. И А. Синявский в Париже... Конечно, у них есть семья и друзья, им есть с кем говорить на родном языке. Но все-таки они как бы еще живут в Москве и пишут для советского читателя, хотя печатаются за границей. Я совсем не знаком с Солженицыным, встречался с ним на двух-трех конференциях: с Синявским мы говорили немного, и я знаю, что он – это было два года назад – в курсе того, что печатается во всех советских журналах... и вообще что делается в литературной, культурной, философской жизни.

Другой вариант, я бы сказал, – это И. Бродский. Он прекрасно знает английский язык, правда, немного он его уже знал до эмиграции, но лучше владел польским – изучил главным образом для того, чтобы читать по-польски запрещенных авторов: Кафку, Вирджинию Вульф, Джойса... Вы знаете, что он новый поэт-лауреат США. Первый поэт-лауреат, рожденный не в Америке. Это не то что в Англии – не пожизненное звание, а на один-два года. И все-таки это

очень важно – это значит, что он вполне укоренился в культуре, скажем так, в англо-американской культуре. У него не только прекрасное знание языка, но он может и судить о писателях...»

«Я бы сказал, что и Лосский, и Зеньковский, и Флоровский ближе к типу Бродского, чем к типу Солженицына. В первую очередь, они все прекрасно знали иностранные языки: английский, немецкий, французский. У них был очень широкий круг общения, например у Зеньковского – с французскими философами, филологами, группировавшимися вокруг журнала “Эспри”. Многие из работ Зеньковского вышли впервые на французском языке... Эти мыслители понимали значение культуры, истории» [3].

С выводами Дж. Клайна можно вполне согласиться. Жизнь и творчество перечисленных им философов русской эмиграции не были оторваны от родины. На чужбине они возделывали родную культуру, расширяя ее через приобщение к местной национальной культуре, и доводили до мирового масштаба. «Несмотря на отдаленность и отделенность от России, они были едины в своем стремлении сохранить живую преемственность русской культуры, не оторванной от корней своего духовного родства. Именно такая укорененность и обеспечила высокий теоретический уровень работ русских философов в эмиграции. Так, софиология С. Н. Булгакова питалась философией В. С. Соловьева и П. А. Флоренского, экзистенциализм Н. А. Бердяева опирался на построения В. И. Несмелова и М. М. Тареева, идеал-реализм Н. О. Лосского отталкивался от идей А. А. Козлова и т. д. И все они, включая таких замечательных мыслителей, как Л. И. Шестов и С. Л. Франк, вдохновлялись творчеством Ф. М. Достоевского и Льва Толстого» [4]. Эмигрантской ветви русской философской культуры принадлежит приоритет в постановке целого ряда философских, культурологических и исторических проблем, сохранивших свою значимость и актуальность в наши дни.

Человек, теряющий родную почву и укореняющийся в чужой культуре, как бы расширяет родину, привнося элементы чужой культуры в свой первоначальный дом, память о котором живет в нем и через него в чужой культуре, пронизывая ее архетипом (Юнг) своих истоков.

Так, например, А. И. Герцена многие называли русским европейцем. На первый взгляд несочетаемое сочетание слов. Вместе с тем, если ум у него был действительно западный, европейский, то сердце оставалось русским. На международной конференции, посвященной 200-летию Герцена, в приветственном слове А. А. Гусейнов так сказал об этом: «Обладая огромным интеллектуальным потенциалом и широкой образованностью, Герцен не изменял своему уму, он следовал логике и истине европейского просвещения. Но суждения ума он выверял своим русским сердцем. Осознание и признание самобытности и ценности национального бытия было для Герцена безусловным приоритетом, тем историческим жизненным началом, внутри которого и во имя которого имеет смысл напрягать ум...»

Русский европеец – не то же самое, что, например, европеец-француз или европеец-англичанин. Да, Герцен был европейцем, но *русским* европейцем, он не изменял своей русскости, чтобы быть европейцем. Да, он был русским, но русским *европейцем*, он не изменял своей европейскости, чтобы остаться русским. Он хотел, чтобы Россия стала европейской в такой же мере, в какой хотел, чтобы и Европа стала российской. Он не хотел быть бессердечным из-за своей европейскости, и не хотел быть внерациональным из-за своей русскости» [5].

Обсуждая (на конференции) проблему «расширенной родины», западный славист Ж. Нива отметил: «От него (А. И. Герцена. – Л. М.) до А. Д. Сахарова идет какая-то тонкая и хрупкая линия, которую можно назвать линией “русского гуманизма”. Гуманизма не против Бога, не децентрализации от Бога к человеку, но прежде всего гуманизма в борьбе против молоха власти... Герцен стал личным другом многих либералов и революционеров в Европе, и эта дружба сыграла немаловажную роль для утверждения и расширения новой Европы, его Европы, и Европы его друзей...» [6]. Таким образом, по мнению Ж. Нива, Герцен «расширил» Европу и не только в пространственном отношении, но и в моральном смысле слова, и это было «расширение его родины» как для себя, так и для его европейских друзей. Россия вошла в состав моральной Европы, но при всех ее пороках и недостатках существует некое моральное первенство русского народа [7]. Ж. Нива поделился еще одним интересным наблюдением и выводом: «Когда Берлин читал лекции о Герцене, было у меня смутное ощущение, что он говорит не столько о Герцене, сколько о себе. Что он видит себя в профиле Герцена. Не только из-за общей судьбы – эмиграции, потери какой-то почвы и приобретения новой почвы, которая не является Родиной, но которая шире, которая есть расширенная Родина. Это может быть Родина идей, может быть Родина надежд. Общее ощущение, что ты, с одной стороны, посланец с Востока

(потому что Берлин, как и Герцен, с Востока). И что ты борешься с этим Востоком, то есть с преобладанием деспотизма, то есть ты борешься за свободу..., с другой стороны ты – человек Запада, хотя ты частично презираешь этот Запад, потому что, когда ты шел к нему, он тебя разочаровал своим мещанством, своим эгоизмом, своей сытостью» [8].

Свобода у Герцена, как и всякая свобода, двойственна: *Liberty from* и *Liberty to* (Герцен обычно употреблял эти понятия по-английски). С одной стороны, ощущая себя человеком Запада, Герцен понимал, что разочарован им: его «мещанством, сытостью и эгоизмом». С другой стороны, *Liberty to* встала для него как проблема – «что мне делать, какую партитуру писать дальше». Эта двойственность, отмечает Ж. Нива, выражающая принадлежность двум мирам, заражает и западного человека, попавшего в Россию. Россия прививает европейцам это чувство двойственности – болезненной и контрастной. Это даже не приобретение дополнительного взгляда, делится своими ощущениями славист из Швейцарии, а чаще всего некое страдание, бремя, жизненное препятствие. В этом препятствии «свобода от» и «свобода к» слишком интимно смешаны. В этом смешении кроется парадокс сочетания предвидимости и не предвидимости жизни с пламенным внутренним желанием бороться против тирании, даже если мы не видим конца партитуры или возможности хотя бы частичной свободы.

Думается, введение в научный оборот понятия «расширенная Родина» во многом помогает понять и осмыслить сложные взаимоотношения того, что называют почвой и чужой землей. Взаимоотношения национальных культур, дающих импульс не только тому, что человек в чужой культуре чувствует себя «изгнанником», но и плодотворной работе в эмиграции во благо своему Отечеству и всему миру. В подтверждение этого можно привести слова польского историка русской философии А. Валицкого: «Герцен в наше время необходимо нужен не только России, но и всему миру» [9]. По мнению А. Валицкого, особое место русской историософии в интеллектуальной истории Запада заключается в том, что в ней с особым драматизмом кристаллизовалась почти вся проблематика глубоких споров об индивидуальной свободе и исторической необходимости, о России и человечестве. Русская философия – это философия личной свободы, отрицающая все попытки оправдать жестокости истории, и «русская идея» как возможное решение болезненных проблем исторического развития как России, так и Европы. Русская философия, с его точки зрения, связывает две довольно разные перспективы, хотя и укорененные в одной системе ценностей. «С одной стороны, философия полностью свободной личности, отказавшаяся от всяческих исторических утешений; с другой стороны, философия надежды, искавшая вопреки всему историческую *возможность* коллективного спасения» [10]. Так оценивают место русской философии в мировой истории зарубежные исследователи русской культуры, лично знакомые со многими ее представителями, оказавшимися в вынужденной эмиграции. Русские мыслители не только перенесли в чужую культуру глубокое чувство к родной земле, к своему Отечеству, но и «расширили» Европу и «расширили Родину». Они творили как бы не расставшись с родной землей, но интегрированные в западную культуру, работали на проблемном поле западноевропейской философии.

Вместе с тем, находясь в эмиграции, ни один русский мыслитель не отвлекался полностью от вопроса об исторических путях России, от чувства присутствия в ее судьбе, от других переживаний, с ней связанных и ею обусловленных. В качестве примера опять же возьмем творчество Герцена. Несмотря на то что в его гениальной брошюре «С того берега» тема России едва маячит на фоне западноевропейских политических событий, в конечном итоге она представляет собой *публичную исповедь* страдающего и мятущегося участника этих событий. В ней в полную силу русского писательского таланта он исследовал лично переживаемую им эволюцию реальной борьбы за *идеал*.

Представить зримо, душевно пережить и осмыслить особенность отношения русского человека к своей родине можно, обратившись чуть ли не к каждому произведению великих русских мыслителей: философов, писателей, историков и публицистов. Показательно в этом отношении творчество В. В. Розанова, который, по словам М. А. Маслина, был мыслителем глубинно и подлинно русским. «Вся его философия в определенном смысле есть русская идея, как понимал ее В. В. Розанов... своим творчеством служивший России и горячо любивший Родину» [11]. «Счастливую и великую родину любить не велика вещь, – писал Розанов. – Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, порочна. Именно, именно когда наша "мать" пьяна, лежит и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее. Но и это еще не последнее: когда она, наконец, умрет и... будет яв-

лять одни кости – тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет» [12]. Или: Может быть, народ наш и плох, но он – *наш* народ, и это решает все. От «своего» куда уйти? Вне «своего» – *чужое*. Самым этим словом *решается все*. Попробуйте пожить «на чужой стороне», попробуйте жить «с чужими людьми». «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги – из чужих рук» [13].

Розановское понимание русского сопряжено с болью за Россию, и в этом схвачена одна из особенностей отношения к родине именно *русского* человека. Для западного человека покинуть свою страну и переехать на жительство в другую – привычная вещь. Для русского человека – это всегда «событие», переживаемое им как разрыв с родной землей, культурой, традицией, наконец. Такой разрыв пронизан болью, страданием, «муками изгнанника», даже если он покинул родину по своей воле. Боль и страдание как бы встроены в архетип русской культуры. Отсюда, все творчество русской эмиграции, не важно, каким вопросам оно было посвящено, всегда включало в себя, выражаясь словами М. Хайдеггера, «нетематический горизонт» – служение своему Отечеству – России. Это необъяснимое и невыразимое в рациональных понятиях стремление «жить вместе с Родиной» часто было наполнено любовью, страстями, болью, муками и страданием.

Примечания

1. *Струве Никита*. Православие и культура. М., 1992. С. 66. (Никита Струве – внук общественного деятеля России, историка и публициста П. Б. Струве).
2. Там же. С. 67.
3. Интервью с профессором Джорджем Клайном // Начала. 1993. № 3. С. 9.
4. *Маслин М. А., Андреев А. Л.* О русской идее. Мыслители русского зарубежья о России и ее философской культуре // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 8.
5. *Гусейнов А. А.* Слово о Герцене // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России // Материалы Международной научной конференции к 200-летию А. И. Герцена. М., 2013. С. 5.
6. Там же. С. 26.
7. Там же. С. 27–28.
8. Там же. С. 25.
9. Там же. С. 42.
10. Там же. С. 30.
11. *Маслин М. А.* О России и русских // Русская философия и формирование патриотического самосознания России. Вып. 2. Калуга, 2013. С. 10.
12. Там же.
13. Там же.

Notes

1. Nikita Struve. *Pravoslavie i kul'tura* [Orthodoxy and culture]. Moscow. 1992. P. 66 (Nikita Struve is a grandson of Russian public figure, historian and publicist P.B. Struve).
2. Ibid. P. 67.
3. *Interv'yu s professorom Dzhordzhem Klajnom* [Interview with Professor George Klein] // Nachala - Beginnings. 1993, № 3, p. 9.
4. Maslin M.A., A.L. Andreev *O russkoj idee. Mysliteli russkogo zarubezh'ya o Rossii i ee filosofskoj kul'ture* [On the Russian idea. Russian thinkers abroad about Russia and its philosophical culture] // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya - About Russia and Russian philosophical culture. Russian philosophers of post-revolutionary countries. Moscow: Nauka. 1990. P. 8.
5. A.A. Guseinov *Slovo o Gertsene* [Word on Herzen] // Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii - Alexander Herzen and the historical fate of Russia // Proceedings of the International Conference for the 200th anniversary of Alexander Herzen. Moscow. 2013. P. 5.
6. Ibid. P. 26.
7. Ibid. Pp. 27-28.
8. Ibid. P. 25.
9. Ibid. P. 42.
10. Ibid. P. 30.
11. Maslin M.A. *O Rossii i russkikh* [About Russia and the Russian] // Russkaya filosofiya i formirovanie patrioticheskogo samosoznaniya Rossii - Russian philosophy and the formation of patriotic consciousness of Russia. Iss. 2. Kaluga. 2013. P. 10.
12. Ibid.
13. Ibid.